

## АКТИВНАЯ И ПАССИВНАЯ ЛЕКСИКА В ЛИТЕРАТУРЕ

Задуматься над этой статьей меня заставило подсознательное отслеживание текстов начинающих авторов, посвященных одним и тем же темам. Выделяя для себя наиболее часто встречающиеся: любовную лирику, гражданскую поэзию, юмористические или трагические стихи, я все чаще вижу, что их основным недостатком является большое сходство между собой. Пишут разные люди, но впечатление остается такое, словно читаешь одного и того же автора, играющего в игру «сетевой маскировки» - пользующегося псевдонимами, чтобы ввести в заблуждение читателя.

Мы уже разговаривали здесь о некоторых аспектах литературного ремесла (я говорю именно о «ремесле», т.е. о технической стороне дела, не трогая пока вопросов одаренности, таланта, вдохновения и прочих высоких материй). Но тема, оставшаяся до сих пор не затронутой, - это тема авторского «словаря», той лексики, которая используется им для написания своих произведений.

Сразу скажу – все, о чем пойдет речь, вполне применимо и для прозы, но в поэзии особенно важно. Хотя бы за счет того, что поэтическое произведение в подавляющем большинстве случаев более «компактно», чем прозаическое, и его автор сталкивается с необходимостью передать свои мысли и чувства на ограниченном текстовом пространстве. Более того, это пространство ритмизованно, музыкально окрашено и обладает (в идеале) мощным лексическим единством, подчиняя себе все использованные в нем элементы. Чего же не хватает начинающим?

Приходя в литературу в зрелом возрасте, «молодой» автор сталкивается с одной важной проблемой, о которой ему нужно знать и помнить: он входит в пространство, где СЛОВО СОЗДАЕТ МИР, из того мира, который УЖЕ СОЗДАН СЛОВАМИ. Иначе говоря, человек, ставя перед собой задачу написания какого-то художественного произведения, пользуется имеющимся в его распоряжении лексическим инструментарием – именно так, как он им пользовался для решения совершенно других задач. Обиходных. Бытовых. Повседневных. В «повседневной» лексике нам часто не требуется слишком много слов для того, чтобы выразить свою мысль и получить желаемый результат. Окружающее нас пространство чаще всего достаточно «функционально»: мы обмениваемся с ним не столько чувствами, сколько ожиданиями конкретных действий и событий. Именно поэтому той же самой Эллочке Людоедке требовалось всего лишь 30 слов для общения с окружающими: каковы ожидания, такова и лексика. Мир машинных технологий, превращающийся постепенно в мир «машинных отношений», еще более упрощает наш коммуникационный набор. Если продавщице в магазине надо что-то сказать, а порой даже (!) улыбнуться, то нажатие кнопки в сетевом магазине ничего такого не требует. Вместо улыбки и шуток мы уже готовы даже друзьям говорить «лол» или «ржунимагу» - и вроде бы все ОК: они же понимают! Однако такое упрощение для литературы не просто опасно – оно смертельно.

Возьмите навскидку практически любой текст начинающего автора, где есть описание природы. Допустим, той же зимы. Первое, обо что споткнется ваш взгляд – это «снежные метели», «тающие на ресницах (руках) снежинки», «замерзший лес», «снегирь», «занесенные улицы» и т.п. Впечатление такое, что человек списывает обстановку с открытки, которые массово рассылаются знакомым. Стандартно, как советские флажки на елке. Сравните с классикой:

*Под голубыми небесами  
Великолепными коврами,*

*Блестя на солнце, снег лежит;  
Прозрачный лес один чернеет,  
И ель сквозь иней зеленеет,  
И речка подо льдом блестит...*

Вкуснятина. Прежде всего потому, что Александр Сергеевич на протяжении всего стихотворения не произносит ни одного незнакомого или экзотического слова, но как точно подобраны его «лексические мазки» в картинку зимы! Нет у него «пушистого снега». Зато есть «ковер» (ковры), которые создают зимнюю интимность пространства и ощущение «жестковатой мягкости» и роскоши. После чего уже «блестя на солнце» превращается в описание парадного зала с блеском драгоценностей. Обратите внимание: «прозрачный» лес.

Нет ни слова о бедных листиках, которые сдуло осенними ветрами – но лес стал настоящей-зимним, прозрачным, морозным. И та же прозрачность присутствует в словах «сквозь иней зеленеет». Три слова создают образ ели, описывают даже и температуру на воздухе (не снег ведь, а «иней»). И в продолжении этой зимней торжественной прозрачности возникает речка, которая «подо льдом» блестит. Не лед блестит на речке, а вода живая проблескивает сквозь лед...

Шесть строчек. Законченная картинка. Все слова не просто узнаваемы – знакомы до боли. Однако, есть нюансы.

Подумайте, например, как часто в своей речи вы употребляете простенькое словечко «сквозь»? Как часто произносите слово «великолепный»? В каком контексте? И это – повод поговорить об активной и пассивной лексике.

**Пассивной** мы здесь обозначим ту лексику, которая позволяет нам понимать сказанное другими людьми, но сами мы этих слов практически не употребляем за ненужностью для обычной жизни. Когда нечто не входит в наш личный словарь, мы вынуждены оказываемся копаться в справочнике – просто, чтобы понять, о чем вообще речь. К такого рода лексике прежде всего относятся всякие специальные термины, а иногда и целые образы.

*Поцелуй чужого мужа,  
Как морской звезды желудок...*

Это написала поэтесса (к стыду своему, не помню имени, т.к. много уже лет прошло), которая по образованию была биологом. Чтобы оценить такой образ «влет», читатель тоже должен быть хотя бы немного биологом, т.к. тогда он поймет, что морская звезда захватывает свою добычу щупальцами, собирается в комок и переваривает «всем телом» - вся превращаясь в «желудок». Образ становится емким и страшноватым, но... только для узкого круга специалистов. Остальным сперва придется читать учебники и справочники, что стихотворение в первом прочтении убьет на корню.

Пассивная лексика у большинства нормально образованных людей включает довольно обширный запас слов и даже терминов. Призывая на помощь еще и ассоциативное мышление, способность к анализу речи и т.п., мы бываем в состоянии порой «на лету» уловить смысл даже весьма специфичного разговора. Вспомните знаменитую «Глокую Куздру» у Успенского (меня поправили – сама фраза принадлежит академику Л. Щербе, а Успенский только сделал ее популярной). Пусть не точно, но достаточно близко смысл фразы нам понятен. А исходя из конкретной ситуации, которая имеет и дальнейшее описание, мы

вполне сможем рассказать своими словами то, что происходит. Так что в основном (пока еще – в основном) с пассивной лексикой у нас все нормально. Но вот с активной – беда.

Когда мы говорим о «штампе» или «клише», презрительно характеризуя этими терминами «проходные» строки в поэзии, зачастую забывается природа этих явлений. А ведь она вполне функциональна. «Штамп» и «клише» - это самый простой способ донести свою мысль до того, кто должен ее понять. Просто понять. Если мы станем излишне витиевато излагать свои мысли по поводу того, что нам надо починить текущий кран, слесарь скорее всего просто не сообразит, что от него требуется. Или не дослушает. Так что, волей неволей нам приходится говорить в ряде случаев «упрощенно». Но... не в поэзии.

Речь не идет о том, чтобы каждую свою мысль выражать предельно изысканно и опять же витиевато. Но надо помнить как «Отче Наш», что поэтическая строка доносит до читателя не только мысль или обозначение чувства автора, но и его ЛИЧНОСТЬ. И именно к личности автора читатель либо испытывает доверие, либо нет. Именно она ему или интересна, или нет. И если речь автора обезличена, то стихотворение принимает форму таблички «посторонним вход воспрещен», как бы красиво оно ни было составлено. Говорю «составлено» именно потому, что процесс написания стихов на бедной личной активной лексике сродни конструктору «Лего». Можно создать любой похожий на что-то прототип, но всем будет ясно, что это «не живое», что это – всего лишь кубики. Пусть даже хитро и умело смонтированные.

Сведение пассивной и активной лексик – одна из первостепенных задач любого литератора. Не говорю уже о процессе расширения словаря – это вроде как естественно и понятно. Но тренировка в умении высказать одну и ту же мысль разными способами – для разных восприятий – необходима, как воздух. Об этом нужно помнить и думать постоянно, в идеале – даже при обычном общении с родными и знакомыми. Сделать свою речь образной, тренировать эту образность, довести ее до стадии естественности – вот задача, которая на порядок продвинет любого начинающего автора в его поэзии. Здесь действует одно неукоснительное правило, о котором то и дело забывают: НЕЛЬЗЯ ПОЭЗИЮ ВКЛЮЧАТЬ И ВЫКЛЮЧАТЬ В СЕБЕ по мере необходимости. Она должна присутствовать все время – тогда у нее есть шанс на выживание.

В принципе, сказанное можно сравнить практически с любым профессиональным навыком. Например, с вождением автомобиля. Опытный водитель не задумывается о том, какой маневр ему нужно произвести в том или ином случае: он просто едет так, как того требует ситуация. И достигает двух основных результатов: скорости и безопасности. Отсутствие практики потребует у него времени на «привыкание» к рулю. Но оно будет меньшим, чем у того, кто впервые начал водить машину.

Аналогично – с иностранным языком. Зная язык, но не разговаривая и не читая на нем, даже хороший переводчик утрачивает навык свободного общения. И ему требуется некоторое время, чтобы перестать «подбирать слова» или переспрашивать собеседника. Зато потом он общается, выражая свои мысли и понимая уже «на лету».

При желании, вы сами можете продолжить аналогии – важно лишь помнить, что сведение воедино пассивной и активной лексики (при постоянном пополнении запаса слов) – это непреложное условие творческого роста в литературе. Без этого автор обречен на штампы и клише, на «усредненный» текст, не вызывающий у читателя ничего, кроме скуки: «я это уже слышал».